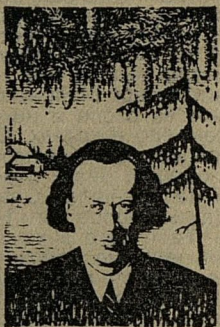

Иван
ЕВДОКИМОВ

ЗА ПЯТЬ ДНЕЙ

В десять часов утра 23-го декабря я пришел на службу. Секретарь отдела сказал:

— Здесь с девяти часов Есенин. Пьяный. Он уезжает в Ленинград. Пришел за деньгами. Дождался вас.

Столь необычно раннее появление Есенина, он всегда появлялся во второй половине дня, уже встревожено.

— Он выпивши или пьян? — спросил я.

— Пьяный. Вот сейчас только вышел. Должен был встретиться с вами в коридоре. Он ушел вниз и будет сидеть у кассы.

Не скрою: мне было нехорошо. Я не любил визитов Есенина в таком состоянии, тяготился ими, всегда стремился выпроваживать его из отдела. Когда он умер, я корил себя, мне было жалко, что я это делал, но, к несчастью, это было непорочно.

В тревоге и ожидании я сел на диванчик. Скоро в глубине длинного госиздатского коридора показался Есенин. Пальто было нараспашку, бобровая шапка высоко сдвинута на лоб, на шее густой черной шелка шарф с красными маками на концах, веселые глаза, улыбка, качающаяся грациозная походка. Он был полупьян. Поздоровались. И сразу Есенин, садясь рядом и закуривая, заговорил:

— Евдокимыч, я вышел из клиники. Еду в Ленинград. Совсем, совсем еду туда. Надоело мне тут. Мешают мне. Я развлекся с Соней с Софьей Андреевной. Поздно, поздно, Евдокимыч! Надо было раньше. А Катка вышла замуж за Наседкина. Ты как смотришь на это?

И Есенин близко наклонился ко мне — Что же, — ответил я, — это твое личное дело. Тебе лучше знать. Я не знаю.

— Да, да, — схватил он меня за руку. — Это мое дело. К черту! И лечиться не хочу! Они меня там лечат, а мне наплевать, наплевать! Скучно! Скучно мне, Евдокимыч!

Веселое, приподнятое и бесшабашное настроение прошло у Есенина. Не уверен твердо, боюсь, что последующие события обострили во мне это впечатление, но мне кажется, он тогда печально и безнадежно как-то взгляделся в меня. Я отнесся легко к этой фразе, приписывая ее случайному душевному состоянию и даже отшутился.

— Не тебе одному скучно. Всем скучно. — Скучно, скучно мне! — продолжал восклицать Есенин, недовольно мотая головой и глядя в пол. — Да, да, — вдруг опять он заговорил, — ты получил письмо?

— Нет. — Ах! Я же ей, Катке, дал снести там стихи в «Собрание». Что же она не несет! Я ей скажу. Она принесет Евдокимыч, я еду в Ленинград. Мне надо денег.

— Деньги выписаны, Сережа, — сказал я.

Есенин лукаво и недоверчиво улыбнулся, чуточку выждал, хитро взглянул на меня и растерянно, вполголоса, выговорил:

— Я спрашивал. В кассе говорят — нет.

И опять улыбка ожидающая и недоверчивая. Я тоже усмехнулся на его недоверие, а главное — на хорошо налаженную машину в финчасти: там уже без моего предупреждения, а я не ожидал в этот день прихода самого поэта за деньгами, ему отказали. Ордер же был давно спущен.

— Ты, Евдокимыч, выпиши сейчас, — просил Есенин. — Нельзя ли выписать сейчас?

— Зачем же? — отвечал я. — Ордер там. Это ошибка. Я тебя не буду обманывать. Вот удостоверюсь!

— Не надо, не надо! — закричал Есенин. — Я тебе верю!

Но я уже вошел в комнату, взял ордерную книжку и показал ему корешок: ордер был выписан 15 декабря. До этого дня Есенин был два раза: около половины декабря и 21-го, но так как состояние его было в первый раз подозрительным, а 21-го неменьше, деньги ему не выдали тогда.

Есенин успокоился и прошептал:

— Видимо, много тебя, Сережа, обманывают.

Окончание. Начало см. №47 от 25.11.94. и №49 от 9.12.94.

нывали, — серьезно говорю я, — и ты перестал верить, когда тебя не обманывают?

— Нет, нет, я тебе верю, — затормозил с ответом Есенин. — Значит... мне выдадут?

— Конечно. Но ты очень рано пришел. Деньги же выдают в два часа дня. Ты бы куда-нибудь сходил.

Поэт задумался и спохватился, сдвигая на глаза шапку:

— Верно. Мне надо сходить к Воронскому проститься. Люблю Воронского. И он меня любит. Я пойду в «Красную Новь». Там мне тоже надо получить деньги. Раньше, понимаешь, Евдокимыч, у тебя нельзя получить?

— Я с удовольствием бы, Сережа, но это от меня не зависит. Раз денег нет в кассе, что же делать?

— Ну хорошо. Я подожду.

Была в Есенине редкая в литературных кругах уступчивость в денежных делах. Современный писатель чаще всего неотвязно настойчив в получении гонорара, криклив, жалок. Тяжелое матери-

го народу. Ты мне поскорее вышлай корректуры.

— Как только придут из типографии, в тот же день и направлю тебе. Ты внимательно погляди на даты. Помнишь, ты в некоторых сомневался?

— Я... я все сделаю. Вот Катка не принесла тебе письма, я там послал семь новых стихотворений: «Стихи о которой». Не поздно их будет в первый том, в самый конец?

— Нет, но надо скорее. Пока гранки, вставить можно. Ты будешь читать корректуру, вместе с ней и вышли эти стихи.

— Хорошо. Я пришлю. Стихи, кажется, неплохие. Я в клинике написал.

— А как твоя поэма «Пармен Крямин»? При распределении стихотворений по томам для издания Есенин обещал доставить поэму «Пармен Крямин», в которой по его тогдашним предположениям должно было быть 500 строк. Я о ней и напомнил теперь.

— Я ее вышлю, только дам другое заглавие. Пармен, пожалуй, нехорошо. В Ленинграде я допишу ее. Она не готова.

— Тебя, кажется, хорошо знает Касаткин? — спросил я. — Вот бы кому написать.

Настроение Есенина было чрезвычайно неустойчивое: от мрачности он быстро переходил в самое благодушное состояние.

— Да, Касаткин, — весь заулыбался он нежнейшим вниманием к этому имени. — Да, да. Люблю его. Ты не знаешь, какой это парень... дядя Ваня... Мы с ним давно-о... давно-о! Давнишний мой друг! Черт с ней, с биографией. Обо мне напишут, напи-и-шут!

В это время я обратил внимание на его полупьяное, но очень свежее лицо и, помню, ясно подумал о том, что он поправился в клинике.

Есенин заметил мой взгляд и, улыбаясь, сказал:

— Тебе нравится мой шарф?

Он подкинул его на ладони, оттянул вперед и еще раз подкинул.

— Да, — говорю, — очень красивый у тебя шарф!

Действительно, шарф очень шел к не-

сил, — взглянув на него, сказал я, — клиника здорово тебе помогла. Посидел бы еще с месяц, окреп бы совсем для работы. Лицо у тебя стало свежее, спокойное.

Помню, он внимательно всмотрелся в меня и, будто заvida и будто спрашивая у меня, сказал:

— Мне бы твое здоровье, Евдокимыч! Я засмеялся.

— Это видимость одна. Сережа. У меня целая коллекция болезней. Вид — обманчив.

— Ну да! — недоверчиво протянул Есенин. — А, может быть! Я ничего не говорю! Может быть!

В это время вышел из отдела Тарасов-Родионов. Меня кто-то вызвал по телефону. Я ушел в комнату. Пока я разговаривал по телефону, я слышал, Есенин что-то кричал с Тарасовым-Родионовым. Потом они ушли. Я сел за свою обычную работу.

В течение дня Есенин несколько раз заглядывал в комнату, повторял о своем ленинградском адресе и уходил. Потом около часу дня пришел в отдел двоюродный его брат Илья и сказал:

— Денег не выдают.

Я спустился по лестнице в кассу. В прихожей финсектора поэт сидел на лавочке у окна среди шоферов и ожидавшей денег публики. Есенин пьяно моргал и что-то шептал губами. Его разглядывали. Он поднял глаза, заметил меня, захватил рукой, трудно поднялся, и мы встретились.

— Евдокимыч, денег не привезли! Я с утра сижу. Мне надоело! Понимаешь, надо-о-е-л-ло!

В голосе его было раздражение. Сделай, однако, я ничего не мог: банк обещал выдать деньги только около двух-трех часов дня.

Изредка я навещался в кассу: Есенин неотлучно сидел на лавочке. Наконец в четвертом часу дня деньги привезли, но в незначительном количестве, выдавали по мелочам. Единственный раз мне почему-то хотелось выдать Есенину деньги, а не чек, но пришлось выписывать опять чек. У кассы стояла очередь. Я спустился к кассе, отыскивая Есенина. Он держал в руках чек, застегивался и серьезно говорил:

— Евдокимыч, денег нет. Вот дали бумажку. Ну, ладно! Билет у меня есть. Я уеду. Завтра Илья получит в банке и переведет мне. Спасибо. Я обойдусь.

Около него стоял застенчивый огромный Илья, тревожно не сводивший с него глаз. Этот замечательный парень, наблюдал я всегда, относился к поэту с редчайшей привязанностью и любовью. Достаточно было мельком поглядеть на его большие глаза, грустно устремленные на поэта, чтобы это почувствовать. И я всегда это чувствовал. Он любил поэта и носил «фонари» под глазами от крепкой и ностальгической любви.

В очереди у кассы в толпе были писатели: Пильняк, Герасимов, Кириллов.

— Ну, прощайте! — пошатался Есенин с серьезным и сосредоточенным видом. Он обнял попеременно Пильняка, Герасимова, меня, расцеловались. Я шутиливо толкнул его в спину «для пути».

— Жди письма, — сказал уходя Есенин и, свесив голову на грудь, заковылял к выходу пьяными нетвердыми шагами.

Было грустно, не по себе, на душе было нехорошо. Конечно, никто не предполагал, что уже никогда не услышит этого с хрипотцой голоса, не увидит пошатывающейся дорогой фигуры, носившей в себе редчайший дар и необыкновенное личное очарование.

Лучше бы, лучше бы ходил он среди нас всегда пьяный, крикливый, неприятный, но только бы ходил!

Письмо из Ленинграда не успело прийти: точный адрес был не нужен.

Январь — февраль 1926 г.

1 Письмо доставлено мне Е.А. Есениной только в конце апреля 1926 года. «Стихи о которой» перепланы не были, почему и не вошли в первый том «Собрания», как того хотел поэт. Написано оно на листке из блокнота карандашом. Если не ошибаюсь, это, кажется, последнее посмертное письмо, написанное С.А. Есениным. Несмотря на некоторую шутливую интимность письма, считаю необходимым привести его полностью.

«Милый Евдокимыч! Привет тебе и тысячу пожеланий за все твои благодеяния ко мне. Дорогой мой! Так как жизнь моя немного перестроилась, то я прошу тебя, пожалуйста, больше никому денег моих не выдавать, ни Илье, ни Соне, кроме моей сестры Екатерины. Было бы очень хорошо, если бы ты устроил эту тысячу между 7—10 дек., как ты говорил. Живу ничего. Лечусь воем. Скучно только дьявольски; но терплю, потому что чувствую, что лечиться надо, иначе мне не спеть, как в твоём «Свербе», «пил бы да ел бы, спал бы да гулял бы». На днях пришлю тебе лирику «Стихи о которой». Если не лень, черкни пару слов с Екатериной. Я ведь теперь не знаю, чем пахнет жизнь. Жму руку. Твой С. Есенин. 6/XII 1925».

2 Айседора Дункан он всегда называл Айздорой.

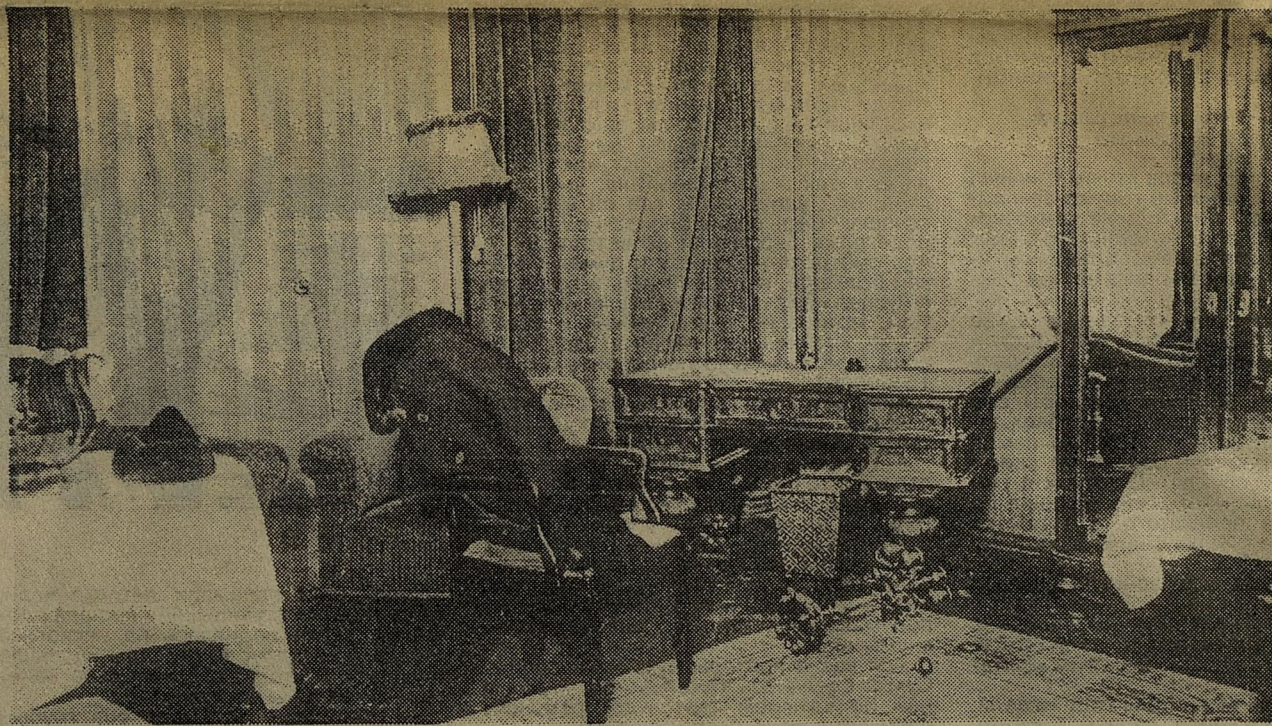
3 Автор книг «Шоколад» и «Динев».

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ». 23.12.94. №51(1663)

Сергей Есенин. Последняя фотография. 1925 г.

Фото Михаила САХАРОВА

Номер гостиницы «Англетер», в котором обитал поэт. 28 декабря 1925 г.

альное положение извиняет эту писательскую черту, но в Есенине эта покорливость обстоятельству была обаятельной. Он соглашался ждать, а те, которые у отказали, вдруг сами, по своему почину, начинали волноваться, уступать, бегать, просить, убеждать, даже лгать, лишь бы выдать ему деньги.

Думаю, что черта эта у Есенина была органической, а не правильным психологическим расчетом. Поступил так и я на этот раз. Попытка оказалась неудачной: в кассе были гроши.

Поэт подождал меня на диванчике и нетерпеливо спросил:

— Ну что, можно?

Я развел руками и сел рядом.

— Ты мне корректуры вышл в Ленинград, — погрузнев, сказал Есенин. — Ты говорил, стихи в наборе?

— Да. Сдали в ноябре. Уже идет набор. Не сегодня-завтра будут гранки. А куда тебе выслать? Ты где там остановишься? Есенин немного подумал.

— Я тебе напишу. Как устроюсь, так и напишу. Я тебе буду писать часто. Да, я тебе вышлю точный адрес. Остановлюсь у Сейфуллиной, у Правдухина... у Клюева. Люблю Клюева. У меня там мно-

го народу. Ты мне поскорее вышлай корректуры.

— Как только придут из типографии, в тот же день и направлю тебе. Ты внимательно погляди на даты. Помнишь, ты в некоторых сомневался?

— Я... я все сделаю. Вот Катка не принесла тебе письма, я там послал семь новых стихотворений: «Стихи о которой». Не поздно их будет в первый том, в самый конец?

— Нет, но надо скорее. Пока гранки, вставить можно. Ты будешь читать корректуру, вместе с ней и вышли эти стихи.

— Хорошо. Я пришлю. Стихи, кажется, неплохие. Я в клинике написал.

— А как твоя поэма «Пармен Крямин»? При распределении стихотворений по томам для издания Есенин обещал доставить поэму «Пармен Крямин», в которой по его тогдашним предположениям должно было быть 500 строк. Я о ней и напомнил теперь.

— Я ее вышлю, только дам другое заглавие. Пармен, пожалуй, нехорошо. В Ленинграде я допишу ее. Она не готова.

— Тебя, кажется, хорошо знает Касаткин? — спросил я. — Вот бы кому написать.

Настроение Есенина было чрезвычайно неустойчивое: от мрачности он быстро переходил в самое благодушное состояние.

— Да, Касаткин, — весь заулыбался он нежнейшим вниманием к этому имени. — Да, да. Люблю его. Ты не знаешь, какой это парень... дядя Ваня... Мы с ним давно-о... давно-о! Давнишний мой друг! Черт с ней, с биографией. Обо мне напишут, напи-и-шут!

В это время я обратил внимание на его полупьяное, но очень свежее лицо и, помню, ясно подумал о том, что он поправился в клинике.

Есенин заметил мой взгляд и, улыбаясь, сказал:

— Тебе нравится мой шарф?

Он подкинул его на ладони, оттянул вперед и еще раз подкинул.

— Да, — говорю, — очень красивый у тебя шарф!

Действительно, шарф очень шел к не-

му, гармонично как-то доканчивая белое и бледное лицо поэта. Шарф кидался в глаза тончайшим соединением черного тона шелка с красными маками, спрятавшимися в складках, будто выставлявшими отдельные лепестки на волнистой линии концов. Я потрогал его рукой.

Продолжая радостно улыбаться, Есенин заметил:

— Это подарок Изадоры... Дункан?

Она мне подарила.

Поэт косился на меня глаза.

— Ты знаешь ее?

— Как же. Лет двенадцать назад я бывал на ее выступлениях здесь, в Москве.

— Эх, как эта старуха любила меня! — горько сказал Есенин. — Она мне и подарила шарф. Я вот ей напишу... позову... и она прискачет ко мне откуда угодно.

Он опять погладил шарф несколько раз.

— Я поеду совсем, совсем; навсегда в Ленинград, — твердил он дальше, — буду писать. Я еще напишу, напишу! Есть дураки... мать... их... говорят... кончился Есенин! А я напишу... напишу! Лечить меня, кормить... и так далее! К черту!

— А ты гляди, Сережа, как набрался